

Владимир Порус*

ДО КАКИХ ПРЕДЕЛОВ МОЖЕТ БЫТЬ РАСШИРЕНО ПОНЯТИЕ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ»?**

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-359-365.

Можно ли быть субъектом политической деятельности, не преследуя цель, которая признается специфической для этой деятельности, а именно, завоевание политической власти? Такой вопрос опирается, по меньшей мере, на две причины сомнений.

(1) Участник социального действия может не осознавать политического смысла последнего. Его субъективное представление о действии и своем участии в нем может отличаться от объективного значения того и другого. Например, участник движения против неконтролируемого загрязнения природной среды или против необоснованного повышения налогов считает, что это движение не направлено против действующей власти (ответственной за эти процессы) и не требует ее замены, а стремится только исправить ее ошибки или устранить злоупотребления. Если скажут, что, желает он того или нет, движение, в каком он принимает участие, подрывает существующую власть и стремится к ее замене, он может с этим не согласиться и воспримет негативную реакцию власти (интерпретирующей действия такого субъекта как политические именно затем, чтобы избежать невыгодного ей конструктивного диалога) как ошибку или провокацию. Но в то же время, исследователь, претендующий на объективный анализ данной (конкретной) ситуации, вправе считать, что подлинный смысл движения, возможно скрытый от его участников, действительно является политическим, и чем скорее это станет очевидным, тем больше шансов на его успех.

*Порус Владимир Натанович, д. филос. н., профессор-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), vnporus@hse.ru, ORCID: 0000-0002-2958-2185.

**© Порус, В. Н. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Несовпадение субъективных оценок с объективным положением вещей — дело обычное, но вопрос в другом. Пусть субъективная уверенность актора совпадает с объективным смыслом его действий, то есть ни о какой борьбе за власть он не помышляет и то, что он делает, действительно не имеет отношения к этой борьбе. Можно ли в таком случае говорить о том, что его действия все же имеют политический характер? Если да, то это влечет сомнение в (признанных) определениях *политического*.

(2) Е. Масланов сопоставляет два подхода к определению «политического», условно именуемые «шмиттовским» и «рансьеровским». Рассмотрим их ближе.

По К. Шмитту, политическим является всякое противодействие сторон, направленное на достижение и упрочение суверенитета, то есть возможность принимать осуществляемые решения, устанавливающие определенный порядок вещей в соответствии с представлениями о том, каким именно должен быть этот порядок. «Быть политическим» значит быть участником борьбы, победитель в которой получает власть над побежденным. Из этого, по-видимому, следует, что в отсутствие борьбы отсутствует и политика, поскольку нет актуальных субъектов политического действия. Политика и ее субъекты становятся таковыми, если вступают в борьбу за власть, и прекращают свое статусное существование, если и когда борьба заканчивается чьей-либо победой. Но победа не бывает безусловной, побежденные ищут реванша, который (вполне возможно) рано или поздно наступит после очередного раунда. Стремление к власти порождает борьбу за нее, в которой политика проходит через фазы угасания к фазам возобновления и усиления. В философской подоплеке такого представления о «политическом» лежит вера в природную предрасположенность и предназначенность борьбы за власть и, следовательно, в принадлежность «политического» самой природе человека. Если признать войну формой борьбы за власть, известный тезис Клаузевица: «война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» (Клаузевиц, Рачинский, 1998: 55–56) в шмиттовской трактовке, по-видимому, должен быть ужесточен: «Война есть форма политики в той же мере, в какой политика есть форма войны» — и дополнен: «Война — естественное состояние человечества, прерываемое неестественными мирными состояниями, в которых она почему-либо теряет свою актуальность».

Противоречие этих тезисов с идеями трактата И. Канта «К вечному миру», доказывающими неестественность и невыгодность войны как орудия политики, отмечалось многократно (Куманьков, 2020; Орехов, 2014). Но отвлечемся от критики. Сопоставим их с позицией Ж. Рансьера. Она в том, что политика — не схватка за власть, а создание условий такой схватки. Эти условия возникают, если в существующий порядок вещей, т. е. в установившиеся стабильные отношения власти и подчинения (когда, по Шмитту, политическое «дремлет» в фазе временного покоя) вламываются новые для этого порядка акторы, ищущие своего места в нем, а не находя, пытаются сломать старый, чтобы установить новый, соответствующий их амбициям порядок.

Признаюсь, мне претит мысль о том, что война и политика едины как сиамские близнецы. О. фон Бисмарк некогда бросил фразу, ставшую крылатой: «Политика есть искусство возможного»; ее понимают по-разному. Между прочим, и в духе соответствия пресловутой доктрине *Realpolitik* (Emery, 1915; Norris, 1991), восходящей еще к Н. Макиавелли: отбросив метафизические или морально-оценочные подходы, при выборе политических действий руководствоваться исключительно расчетом сил и последствий их взаимодействий. При таком понимании политика может быть как причиной войны, так и способом ее избежать: все решает калькулятор, которым «реальный политик» пользуется *искусно*, сочетая в расчете различные формы воздействия (экономическое, идеологическое, возможно, даже религиозное), когда это позволяет или этого требует конкретная ситуация, а также не пренебрегая одиозными средствами (шантаж, пропаганда, подкуп, диверсионный подрыв стабильности), решаясь на риск так называемой «гибридной войны» (Жокошин, 2018; Hoffman, 2009). Такое искусство действительно требует жертв, причем жертвой (в прямом смысле) может стать сам политик, если столкнется с более сильным и удачливым «искусником».

Не лишним было бы вспомнить Аристотеля: политика есть высшая форма социальной коммуникации, целью которой является общее благо, а средством — государственная власть, опирающаяся отнюдь не только на насилие, но прежде всего на природную склонность людей к разумной кооперации усилий. Не откажу себе в удовольствии процитировать одно из известнейших положений Стагирита:

Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общине, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все

общения стремятся (*stokhadzontai*) к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим (Аристотель, Жебелев, 1983: 376).

Для Аристотеля человек есть существо, обладающее разумом и нравственностью, а политика — форма разумной и добродетельной жизни. Отказ от политики означает выпадение за грань человеческого:

...человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; [...] такой человек по своей природе только и жаждет войны (там же: 378–379).

К. Шмитт исходит из противоположной идеи-образа человека, конкретнее, из иной трактовки человеческой разумности, которую он, по сути, освобождает от каких-бы то ни было «привязок» к теологии, как аристотелевской, так и христианской. Нельзя не признать, что связка «политика-война» имеет важные практические следствия: например, она позволяет формулировать правовые регулятивы войны (если политика есть война, то ведь и война есть политика!) в отличие от моралистического отвержения, когда развязывание войны считается преступлением, наказание за которое должно быть неотвратимым и бескомпромиссным. Тем не менее, именно философско-антропологическая перспектива его концепции вызывает интуитивное сопротивление: историческая эволюция человечества, в конечном счете, выглядит как путешествие от первобытного зверства к новой животности, оснащенной машинной и социальной технологиями.

По-моему, Е. В. Масланову концепция Ж. Рансьера ближе, чем «шмиттовская». В ней сглажена острота тезиса о политике как борьбе за власть. Получается, что в этой схватке можно *присутствовать* не в роли ответственного актора, но соучастником политических событий. Это соответствует интуициям, имеющим моральный аспект. В самом деле, неужели ответственность за политические деяния должна возлагаться только на тех, чьи имена вписаны в соответствующие мартирологи или списки призеров политических игр, в то время как громадное большинство их участников в конце концов уходят с исторической сцены безымянными или упоминаются «гурьбой и гуртом»? Подчеркну: речь именно об *ответственности*: о *вине* судит либо история, либо трибунал, но ответственность «пред небом и землей» несут все те, без

чьего участия политическое действие оставалось бы только замыслом, рожденным фантазией или расчетом.

Наука действительно является *соучастником*, роль которого в современном мире так велика, что о реальных политических процессах теперь судят, разглядывая их сквозь призму научно-технического прогресса. Об этом сказано в статье Е. В. Масланова и, безусловно, может быть сказано больше. Это ведет к выводу, что наука все же обладает политической субъектностью и от этого обладания не может избавиться, как бы того ни желали или, напротив, как бы тому ни противились ученые. Независимо от того, признают ли они свою политическую ответственность, она лежит на них, и от нее им никуда не деться. Как говорил шекспировский Клавдий:

... Там в подлинности голой
Лежат деянья наши без прикрас,
И мы должны на очной ставке с прошлым
Держать ответ... (Шекспир, Пастернак, 1994: 136)

Но не то ли самое можно сказать не только о науке? Разве философия не играла ранее и, несмотря ни на что, продолжает играть не меньшую роль в создании условий, при которых становится возможной «пересборка общественного единства на новых основаниях» (Е. В. Масланов)? Пусть мы согласимся считать философию наукой (не будем отвлекаться на старые споры) и отнесем к ней все сказанное выше. Но разве, например, художественная литература не примет на себя (по крайней мере, важнейшие) черты политической агентности? «Путешествие из Петербурга в Москву», «Хижина дяди Тома», «Былое и думы», «Чума», «По ком звонит колокол?», «Тошнота», «Архипелаг ГУЛАГ», «Колымские рассказы» — кто скажет, что эти произведения не оказали влияния на формирование политических процессов, сравнимого с искусственным интеллектом, ядерной физикой и генетикой? Впрочем, кто-то именно так и скажет, и спорить с этим будет не скучно.

Живопись, театр, музыка, кино — любая из этих и других форм проявления человеческого гения в определенном смысле может быть сопоставлена с наукой, если речь идет о политической субъектности. Но если так, то расширение смысловых границ этого термина рискует стать безудержным.

Понятия «политического» и «политической субъектности» сохраняют свою проблематичность. Рискну предположить, что именно ввиду своей перманентной дискуссионности они могут в дальнейшем стать узлами сборки новых проектов социальной и политической философии.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель*. Политика / пер. с древнегреч. С. А. Жебелева // Сочинения. В 4 т. Т. 4 / под ред. В. Ф. Асмуса. — М. : Мысль, 1983. — С. 375–644.
- Клаузевиц К. фон*. О войне / пер. с нем. А. К. Рачинского. — М. : Логос, Наука, 1998.
- Кокошин А. А.* Феномен «гибридной войны» в силовой составляющей современной мировой политики // Вестник Российской академии наук. — 2018. — Т. 88, № 11. — С. 971–978.
- Куманьков А. Д.* Война в XXI веке. — М. : Высшая школа экономики, 2020.
- Орехов А. М.* «Вечный мир» или «вечная война»? (И. Кант versus К. Клаузевиц) // Пространство и время. — 2014. — № 3. — С. 62–66.
- Шекспир У.* Гамлет, принц датский / пер. с англ. Б. Л. Пастернака // Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. 8. — М. : Терра, 1994. — С. 5–238.
- Emery H. C.* What is Realpolitik? // International Journal of Ethics. — 1915. — Vol. 25, no. 4. — P. 448–468.
- Hoffman F. G.* Hybrid Warfare and Challenges // Joint Force Quarterly (JFQ). — 2009. — Vol. 52. — P. 35–39.
- Norris C.* The “End of Ideology” Revisited : The Gulf War, Postmodernism and Realpolitik // Philosophy and Social Criticism. — 1991. — Vol. 17, no. 1. — P. 1–40.

Porus, V. N. 2024. “Do kakikh predelov mozhnet byt’ rasshireno ponyatiye ‘politicheskaya sub’-yektynost’”? [To What Extent can the Concept of ‘Political Agency’ be Expanded?] [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 359–365.

V. N. PORUS
 DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY
 RESEARCH PROFESSOR
 NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY “HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS” (MOSCOW, RUSSIA);
 ORCID: 0000-0002-2958-2185

TO WHAT EXTENT CAN THE CONCEPT
 OF “POLITICAL AGENCY” BE EXPANDED?

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-359-365.

REFERENCES

- Aristotle. 1983. *Politika [Politika]* [in Russian]. In vol. 4 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by V. F. Asmus, trans. from the Ancient Greek by S. A. Zhebelev, 375–644. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl’.
- Clausewitz, K. von. 1998. *O voyne [Von Kriege]* [in Russian]. Trans. from the German by A. K. Rachinskiy. Moskva [Moscow]: Logos / Nauka.

- Emery, N. S. 1915. "What is Realpolitik?" *International Journal of Ethics* 25 (4): 448–468.
- Hoffman, F. G. 2009. "Hybrid Warfare and Challenges." *Joint Force Quarterly (JFQ)* 52:35–39.
- Kokoshin, A. A. 2018. "Fenomen 'gibridnoy voyny' v silovoy sostavlyayushchey sovremennoy mirovoy politiki [The Phenomenon of 'Hybrid War' in the Power Component of Modern World Politics]" [in Russian]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Vestnik RAS]* 88 (11): 971–978.
- Kuman'kov, A. D. 2020. *Voyna v XXI veke [War in XXI Century]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Vysshaya shkola ekonomiki [HSE Publishing House].
- Norris, Ch. 1991. "The 'End of Ideology' Revisited: The Gulf War, Postmodernism and Realpolitik." *Philosophy and Social Criticism* 17 (1): 1–40.
- Orehov, A. M. 2014. "'Vechnyy mir' ili 'vechnaya voyna' ? (I. Kant versus K. Klauzevits) ['Perpetual Peace' or 'Perpetual War' ? (I. Kant versus K. Clausewitz)]" [in Russian]. *Prostranstvo i vremya [Space and Time]*, no. 3, 62–66.
- Shakespeare, W. 1994. "Gamlet, prints dat-skiy [The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark]" [in Russian]. In vol. 8 of *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]*, trans. from the English by B. L. Pasternak, 5–238. 14 vols. Moskva [Moscow]: Terra.